

Глава 1. Священное Предание в православном вероучении

1.1. Понятие о Священном Предании

Священное Предание — общая форма сохранения и распространения Церковью Божественного Откровения. Форма эта освящена авторитетом Священного Писания, в книгах Нового Завета мы можем найти целый ряд мест, которые указывают на важность Предания в жизни Церкви:

...стойте и держите предания (парадóбσεις), которым вы научены или словом или посланием нашим (2 [Сол.2:15](#));

Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания (парадóбσεις) так, как я передал вам (1 [Кор.11:2](#));

Буквально греческое слово *παράδοσις* (предание, лат. traditio) означает преемственную передачу чего-либо (например, по наследству), а также сам способ передачи.

Что же такое Предание в православном понимании? «То, что тебе вверено, а не то, что тобой изобретено, — то, что ты принял, а не то, что выдумал, дело не ума, а учения, не частного обладания, а всенародной передачи...» — пишет св. Викентий Лиринский⁸⁶. Такой способ преемственного распространения Божественного Откровения имеет основание в Священном Писании:

Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал... (1 [Кор.11:23](#)).

Сам Господь говорит об этой форме сохранения истины: *...ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели...* ([Ин.17:8](#)).

В приведенных выше новозаветных цитатах можно видеть некую «цепочку»: дал — передал — приняли. Согласно Священному Писанию, именно таким образом должно сохраняться и распространяться Божественное Откровение.

. Таким образом, в Новом Завете и для ранних отцов Церкви Священное Предание — это непрерывная цепь передачи богооткровенной истины от одного человека или поколения людей другому, **причем начальное звено этой цепи оказывается, как следует из слов Спасителя, в Боге.**

Именно этим Священное Предание и отличается от других традиций, например культурных. Протестанты могут с большим уважением относиться к Преданию Православной Церкви, даже признавать его «полезность», но при этом заявлять, что это «от человеков», а потому не является необходимым. Но если следовать новозаветному пониманию Священного Предания, то разрыв с ним — это не просто разрыв с какой-то человеческой традицией, не просто выход из традиции Восточной Церкви, а, по существу, отпадение от Бога.

Хотя в Священном Писании иногда говорится о «преданиях» во множественном числе (см.: 2 [Сол.2:15](#)), Предание нельзя рассматривать как совокупность отдельных истин веры, не связанных друг с другом и различных по содержанию. Принципом единства Священного Предания является Божественное Откровение, которым обусловлено как внешнее

формальное единство Предания с точки зрения его происхождения, так и внутреннее единство со стороны его предмета и содержания. Цель Божественного Откровения не сводится к сообщению людям отдельных вероучительных, нравоучительных, исторических, канонических и прочих истин. Главная цель Откровения в том, чтобы все *уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его (Ин.20:31)*. Первой и центральной истиной Предания является тайна Откровения Бога в Иисусе Христе через Святого Духа с целью спасения человеческого рода. Эта тайна, *сокрытая от веков и родов, ныне же открытая святым (Кол.1:26)*, выступает в Предании как источник и основание его внутреннего единства.

Почему не все Божественное Откровение дано Церкви в виде Писания? Почему не все вошло в Писание, не все было записано?

При ответе на этот вопрос часто упоминают обычай ранней Церкви не разглашать непосвященным (т. е. тем, кто не является членом Церкви) детали учения о таинствах и подробности совершения обрядов, существовавших в Церкви с апостольских времен. Отсюда возникла традиция преемственной устной передачи этих сведений (*устное Предание*). Впоследствии, когда христианство широко распространилось и стало государственной религией, практическая нужда в сокрытии этой информации отпала, и она была зафиксирована в письменном виде.

Однако этот ответ нельзя признать исчерпывающим. Действительно, Предание включает в себе некоторые знания, которые фиксируются в таких памятниках, как чинопоследования таинств, канонические правила, иконы и т. д. Однако по своей сути Предание есть нечто большее, чем просто передача информации: оно объемлет то, что в принципе не может быть записано.

Предание говорит нам о Боге и о богопознании, а подобное, как известно, познается подобным. Для того чтобы усвоить то, что передается в Предании, предварительно необходимо иметь некоторый личный *опыт богообщения*, опыт духовной жизни, поскольку духовная жизнь — это, прежде всего, образ жизни, а не образ мысли. Протопресв. Иоанн Мейендорф пишет об этом следующим образом: «...Предание есть непрерывная последовательность не только идей, но и опыта. Оно предполагает не только интеллектуальную согласованность, но и живое общение на путях постижения истины»⁸⁸. По существу, ту же самую мысль двумя тысячами лет ранее высказал ап. Павел: *Подражайте мне, как я Христу (1 Кор.4:16)*. Таким образом, Предание включает в себя не только букву учения, передаваемого посредством устного или письменного слова, но и опыт духовной жизни, соответствующий этому учению, который может быть передан только личным примером.

Однако Предание не ограничивается и этим. В процессе трансляции от одного поколения к другому опыт духовной жизни, восходящий к апостолам, может сохраняться без искажения только в том случае, если личный опыт всех «звеньев» этой единой цепи основывается на одном и том же

объективном основании, иными словами, только тогда, когда все участники процесса передачи богооткровенной истины являются причастниками одного и того же Духа. Поэтому Христос не только преподавал Своим ученикам некоторое учение, не только явил им пример Своей жизни, не только сообщил опыт жизни в Боге, но также повелел им принять Духа Святого, силу благодати, которая открывает путь к познанию Божественной истины (см.: [Деян.1:8](#)). Только в свете благодати и постигается учение Христа, и сам опыт жизни во Христе — опыт благодатный.

Ап. Павел утверждает: *...никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 [Кор.12:3](#)). Таким образом, исповедать Христа своим Господом может только тот, на чье сердце уже так или иначе воздействовал Дух Святой. Поэтому свят. [Филарет Московский](#) отмечает, что Священное Предание — это не только видимая и словесная передача правил и постановлений, но и «невидимое, действительное преподавание благодати и освящения...»⁸⁹.

Итак, в едином и неразрывном потоке Священного Предания можно различать три уровня передаваемого:

1) передача богооткровенного учения и тех исторических памятников, в которых это учение зафиксировано;

2) передача опыта духовной жизни в соответствии с богооткровенным учением;

3) передача благодатного освящения, осуществляемого посредством участия в полноте церковной жизни, прежде всего посредством таинств.

Соотношение Священного Писания и Священного Предания: Священное Писание как форма Священного Предания

Если обратиться к дореволюционным учебникам догматического богословия, то можно увидеть, что в них Священное Писание и Священное Предание различаются по своему содержанию. Так, по словам митр. Макария (Булгакова), «под именем Священного Предания разумеется слово Божие, не заключенное в письма самими богодухновенными писателями, а устно переданное Церкви и с тех пор непрерывно в ней сохраняющееся»⁹⁰. Примерно то же самое утверждает и в написанном уже в эмиграции учебнике догматического богословия протопресв. [Михаила Помазанского](#), где говорится, что Предание и Писание — это два источника вероучения, или два источника догматов⁹¹.

В этих определениях Писание рассматривается как нечто внешнее по отношению к Преданию. Причина появления такого подхода — католическое влияние на православное богословие, обозначившееся в период упадка образованности на христианском Востоке. Это влияние выразилось в тенденции кодифицировать Предание в исторических документах и

памятниках, иначе говоря, рассматривать Предание почти исключительно как некую сумму информации о Боге и о духовной жизни. Но для восточных отцов Предание — это всегда не только и не столько знание, не столько информация, сколько живой опыт богопознания, опыт видения богооткровенной истины, без которого подлинное знание оказывается невозможным.

В чем состоит суть западного взгляда на соотношение Писания и Предания?

Католическое учение о соотношении Писания и Предания возникло в Западной Европе в эпоху Реформации (XVI в.). Основатель протестантизма Мартин Лютер поставил тогда под сомнение католический догмат о папском примате, что привело к дискуссии на эту тему между католическими и протестантскими богословами. Католические ученые медлили с догматическим обоснованием своего мнения, ссылаясь на необходимость свериться с авторитетными суждениями отцов и богословов прошлых столетий. Тогда Лютер торжественно объявил, что, в отличие от католических богословов, ему не нужно проводить никаких «архивных» изысканий и что все свое учение он может обосновать и вывести из одного только Священного Писания. Этот полемический прием, который однажды оказался успешным, впоследствии получил широкое применение и превратился в универсальный принцип (*sola Scriptura*, «только Писание»), на котором и было построено протестантское учение⁹².

Римокатолики вынуждены были сформировать свое учение в условиях полемики с протестантами, отрицающими авторитет Священного Предания как источника вероучения. Суть этого учения состоит в том, что Священное Писание и Священное Предание — это два параллельных источника вероучения. Эти источники могут пониматься как равные по достоинству, или же Священное Писание может рассматриваться как некоторое смысловое ядро, а Предание — как некое, пусть и необходимое, но все-таки второстепенное дополнение к Писанию. Однако в обоих случаях в римокатоличестве и Писание и Предание рассматриваются как взаимодополняющие, а это означает, что Писание и Предание по отдельности заключают в себе не всю богооткровенную истину, а только некоторую ее часть⁹³. Из этой концепции также следует, что Священное Предание может содержать в себе такие истины, которые, в принципе, не имеют основания в Священном Писании и, следовательно, не могут быть при помощи Писания проверены. Тем самым открывается простор для человеческого произвола, для включения в состав Предания положений, не имеющих основания в Божественном Откровении. Примерами такого «своеволия» являются римокатолические лжедогматы (папские примат и непогрешимость, непорочное зачатие Девы Марии и др.).

Если мы хотим эффективно отстаивать свою позицию перед лицом католической и протестантской критики, то наша аргументация должна

строиться не просто на цитатах из Священного Писания, а на Священном Предании, само же Священное Писание должно пониматься в контексте Предания. Однако, если мы, вслед за западными конфессиями, будем противопоставлять Писание и Предание, то попадем в богословский тупик. Как нужно толковать Священное Писание? Естественно, в соответствии с Преданием. Но какое Предание нужно признать истинным и какое ложным? То, которое соответствует Писанию. Получается порочный круг.

Римокатолики и протестанты решили этот вопрос по-разному. Протестанты просто отвергли авторитет Предания в пользу Писания. Католики «вышли из положения» благодаря апелляции к непогрешимому мнению папы, который может в любом случае безошибочно указать, как толковать Писание и какое Предание следует принимать.

И католическое и протестантское решение вопроса неприемлемо для православных, поскольку такое понимание соотношения Писания и Предания не согласуется с учением древних отцов Церкви. Например, для сщмч. Иринея Лионского (II в. по Р. Х.) Священное Предание по своему содержанию не есть нечто отличное от Священного Писания; наоборот, Предание по содержанию тождественно апостольской проповеди и Новому Завету. По мнению сщмч. Иринея, даже если бы апостолы вообще не оставили никаких писаний, Церковь и тогда могла бы существовать и осуществлять свою миссию, следуя порядку Предания, вверенного ей апостолами⁹⁴.

С начала XX в. в православном богословии схоластический подход к вопросу соотношения Священного Писания и Предания начинает постепенно преодолеваться. Известный церковный историк М. Поснов в 1906 г. писал: «Одно из полученного от Христа Евангелия Церковь выразила Символом веры... другое Церковь закрепила в таинствах... иное изложила в Священном Писании, как содержащем указание на исторические факты спасения... другое Церковь выразила в богослужении, песнопениях и молитвах; иное, наконец, воплотила в христианском устройстве жизни, в церковно-каноническом управлении, в обрядах, обычаях и т. п.»⁹⁵

В этих словах нет противопоставления Священного Писания и Священного Предания: Писание рассматривается в контексте Предания. Однако у М. Поснова все вышеперечисленные составляющие Священного Предания еще мыслятся именно как *части* Откровения.

Дальнейшее сближение научно-богословского взгляда на соотношение Священного Писания и Священного Предания со святоотеческим подходом произошло благодаря работам архим. Софрония (Сахарова), ученика преп. Силуана Афонского. Излагая мнение своего учителя, архим. Софроний пишет: «Предание объемлет собою всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное Писание является лишь одной из форм его»⁹⁶.

Архим. Софроний передает и другие слова преп. Силуана: «Священное Писание не глубже и не важнее Священного Предания, но... одна из его

форм. Форма эта является ценнейшей и по удобству сохранения ее, и по удобству пользования ею; но, изъятое из потока Священного Предания, Писание не может быть понято как должно никакими научными исследованиями»⁹⁷.

Таким образом, Священное Писание стало пониматься не как часть Священного Предания, а как одна из многих его форм, не различающихся по своему внутреннему содержанию.

Огромное значение проблеме соотношения Священного Предания и Священного Писания уделял В. Н. Лосский, считавший, что «Предание и Писание нельзя противопоставлять, ни даже сопоставлять как две отличные друг от друга реальности», поскольку только «их нерасторжимое единство... дает полноту дарованному Церкви Откровению»⁹⁸.

Весьма здоровое понимание соотношения Священного Предания и Священного Писания содержится во 2-м члене «Послания Восточных Патриархов о православной вере», хотя само слово «Предание» в этом тексте не употребляется: «Мы веруем, что свидетельство Кафолической Церкви не меньшую имеет силу, как и Божественное Писание. Поелику Виновник того и другого есть один и тот же Святой Дух, то все равно — от Писания ли научиться или от Вселенской Церкви... Живя и научаясь в Церкви, в которой преемственно продолжается устная апостольская проповедь, человек может изучать догматы христианской веры от Вселенской Церкви, и это потому, что сама Церковь не из Писания выводит свои догматы, а имеет оные в готовности; если же она, рассуждая о каком-нибудь догмате, приводит определенные места в Библии, то это не для вывода своих догматов, а только для подтверждения оных, и кто основывает свою веру на одном Писании, тот не достиг полной веры и не знает ее свойств»⁹⁹.

Современное православное богословие о Священном Предании

В современном православном богословии выражение «Священное Предание» используется в нескольких значениях, отражающих различные функции Священного Предания в жизни Церкви:

1. Предание как *способ передачи богооткровенной истины*.

2. Предание как *источник вероучения*.

Такой взгляд на Священное Предание является вполне оправданным, однако при условии что при этом Предание не противопоставляется Писанию, Писание и Предание не рассматриваются изолированно. В Предании Церкви все догматы представлены в совокупности, в систематическом и полном виде, чего нет в отдельных книгах Писания.

3. Предание как *свидетельство Вселенской Церкви о врученной ей Богом истине*.

Такое понимание Священного Предания практически совпадает с понятием Божественного Откровения, под которым можно понимать все христианское вероучение в его целостности и полноте. Это свидетельство Вселенской Церкви является *истинным*, т. к., по выражению архиеп. Сильвестра (Малеванского), в Церкви «непрерывно живет по своему существу то же религиозное сознание, которое лежало в основе жизни христиан первенствующей Церкви, равно как не прерывается и тот дух веры, которым проникались они и руководились в уразумении истин веры»¹⁰⁰. М. Поснов называет этот дух веры «неуловимым духом церковным, таинственным сознанием, христианским пониманием, которое унаследовала Церковь от Христа и при содействии Святого Духа хранит верно, неповрежденным и передает из рода в род»¹⁰¹. В «Послании Восточных Патриархов о православной вере» (12-й член) говорится, что Святой Дух, «всегда действующий чрез вернослужащих отцов и учителей Церкви, предохраняет ее от всякого заблуждения»¹⁰².

В результате мы приходим к *четвертому значению* — *Предание есть живая память Церкви*, самосознание, живущее в Церкви со дня Пятидесятницы. Если провести аналогию между жизнью Церкви и жизнью человеческой личности, то без труда можно увидеть, что Предание в принципе выполняет в Церкви ту же функцию, какую в человеке выполняет память. Благодаря этой функции Предания сохраняется историческая самоидентичность Церкви.

Формы церковной жизни в разные эпохи могут сильно различаться; например, Иерусалимская апостольская община первых лет исторического бытия христианской Церкви и современная Православная Вселенская Церковь внешне имеют мало общего, но это одна и та же Церковь, ее самоидентичность устанавливается именно благодаря непрерывности церковного Предания, благодаря непрестанному действию Святого Духа в Церкви. В. Н. Лосский так говорит о Священном Предании: «Если Писание и все то, что может быть сказано написанными... или же иными символами, [суть] различные способы выразить Истину, то Священное Предание — единственный способ воспринимать Истину... Мы можем дать точное определение Предания, сказав, что оно есть жизнь Духа Святого в Церкви, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не естественном свете человеческого разума»¹⁰³.

Итак, Священное Предание понимается в православном богословии в четырех смыслах:

- 1) как способ преемственной передачи богооткровенной истины;
- 2) как источник вероучения;
- 3) как свидетельство Вселенской Церкви о врученной ей истине.

В этом смысле Предание оказывается почти неотличимым от Божественного Откровения;

- 4) как жизнь Святого Духа в Церкви.

Плод этой жизни — живое самосознание и память Церкви, непрерывные с начала исторического бытия Церкви, т. е. со дня Пятидесятницы.

Кто является носителем Предания и как можно познать, «изучить» православное Предание? По словам прот. Георгия Флоровского, «живым носителем и хранителем Предания является вся Церковь в ее кафолической полноте; и нужно пребывать или жить в Церкви, в ее полноте, чтобы разуместь Предание, чтобы владеть им. Это и значит, что носителем и хранителем Предания является... вся Церковь — Церковь как кафолическое тело...»¹⁰⁴.

Следовательно, познание Предания не есть рассудочный процесс. Нельзя превратить изучение Предания в науку, строящуюся по образцу наук светских. Священное Предание познается опытно, т. е. познать Предание можно только войдя в Предание. В противном случае изучение Предания окажется подмененным исследованием «памятников церковной культуры», и предметом изучения станет «не Предание, а то, что в той или иной мере создавалось Преданием...»¹⁰⁵. Только тот, кто сам стал живым носителем Предания, может сказать, что он начал изучать Предание. Иначе говоря, цель каждого христианина в том, чтобы самому сделаться звеном в этой непрерывной цепи передачи богооткровенной истины.

Литургическое предание

Прот. Георгий Флоровский делает о характере христианского богослужения точное замечание: «Христианское богослужение от начала имеет характер скорее догматический, нежели лирический... С человеческой стороны богослужение есть, прежде всего, исповедание — свидетельство веры, не только изливание чувств»¹¹⁵.

Действительно, христианское богослужение изначально было наполнено догматическим содержанием. Не случайно уже в спорах II в. свидетельства от литургического предания получают силу богословского довода. Так, *сщмч. Игнатий Богоносец* писал, что еретики «удаляются от Евхаристии и молитвы, потому что не признают, что Евхаристия есть плоть Спасителя

нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по Своей благодати»¹¹⁶. Таким образом, по мысли сщмч. Игнатия, важнейшие вероучительные истины сохраняются в Церкви посредством главного христианского таинства.

В V столетии Римский папа Целестин I (422—432 гг.) сформулировал общий принцип: «закон веры определяется законом молитвы» (ut legem credendi statuit lex supplicandi)¹¹⁷, т. е. верно не только то, что истинное догматическое учение необходимо для правильной организации духовной жизни, но и обратное: правильно организованная духовная жизнь оказывается залогом чистоты догматического учения.

Эти две истины очевидным образом взаимосвязаны. Конечно, повреждение вероучения, заблуждения в области догматики оказывают влияние на духовную жизнь, но верно также и обратное: ошибки в духовной жизни могут иметь весьма серьезные догматические последствия. Опыт показывает, что такого рода ошибки влекут за собой и искажение вероучения. Именно поэтому Православная Церковь активно противится модернистским тенденциям реформировать богослужение. Любые попытки бездумного изменения богослужебно-литургической практики, введение в нее сомнительных с духовной точки зрения элементов не есть вопрос только богослужебный: за этим неизбежно последует искажение вероучения.

В самом деле, легкие и сердце церковной жизни — это богослужение и таинства: именно в богослужении, в таинствах Церковь является тем, что она есть по существу. Очевидно, что Церковь нужно искать не в академиях, не в университетах, не на конференциях и съездах, а в храме, в богослужении и в таинствах. И то, чему Церковь допустила войти в богослужение, вошло в самую сердцевину церковной жизни и стало неотъемлемым ее элементом. «Весь порядок богослужения и тайнодействия представляет собой преимущественную область Священного Предания, притом не только писанного, но и устного, одинаково обязательного к руководству. Чрез богослужебную жизнь Церкви приобретают общеобязательность и такие догматы церковного вероучения, которые не находят себе места в числе Вселенских соборов. Достаточно указать для примера почитание Богоматери в православии, учение о семи таинствах, практика почитания святых икон и мощей, учение о загробной жизни и многое другое, что догматизируется неприметным образом Преданием чрез церковное богослужение, иногда вернее и сильнее, чем на соборах»¹¹⁸.

То, что литургическая жизнь является ядром церковного Предания, видно из посланий ап. Павла.

Например, в 1 [Кор.11:23-25](#) идет речь о том, что ап. Павел принял от Господа переданное Им христианам повеление совершать Евхаристию, из чего ясно видно, что Евхаристия — это, по существу, главное содержание Предания. В Предании Господь Сам Себя предает (передает) верным. И это предание Христом Себя Своим ученикам осуществляется именно в таинстве

Евхаристии. Св. Ипполит Римский, перед тем как рассказать о посвящении в епископы и о таинстве Евхаристии, говорит: «Мы подошли к самому истоку Предания»¹¹⁹. Сщмч. Иринеи Лионский подчеркивал, что православное «учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия в свою очередь подтверждает учение»¹²⁰.

Священное Предание в древней Церкви сохранялось, в первую очередь, посредством таинств и было выражено в чинопоследованиях, молитвословиях и обрядах. Свят. Василий Великий писал: «У меня вера... всегда одна и та же. Ибо... как веруем, так и славословим»¹²¹.

О значимости богослужебных текстов в жизни Церкви «Послание Восточных Патриархов» говорит следующим образом: «Все сии книги содержат здоровое и истинное богословие и состоят из песней, или выбранных из Священного Писания, или составленных по внушению Духа, так что в наших песнопениях только слова другие, нежели в Писании, а, собственно, мы поем то же, что в Писании, только другими словами»¹²².

Это совершенно явное свидетельство того, что литургическая жизнь — не часть Предания, а именно одна из форм его, наряду со Священным Писанием и другими формами.

2.3. Творения свв. отцов и учителей Церкви

Пято-Шестой (Трулльский) собор 691 г. своим 19-м правилом устанавливает следующий подход к толкованию Священных Книг: «...и если предложено слово Писания, пусть изъясняют его не иначе, как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях...»¹²³ Это правило является руководством для подхода к пониманию книг Священного Писания во все времена.

«Церковь знает множество святых, которые, будучи богословами и духовными учителями, защищали и объясняли православную веру. Они называются святыми отцами Церкви, а их учение называется святоотеческим»¹²⁴.

Для того чтобы отличить свв. отцов Церкви от прочих церковных писателей и богословов, существует несколько формальных критериев.